

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 3–11.

УДК 81'272

Казарин В. П.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

(Являемся ли мы Истинными наследниками Кирилла и Мефодия?)

В основе статьи лежит доклад, прочитанный на Пленарном заседании
III Международного Форума русистов Украины в
Белом зале Ливадийского дворца 31 января 2003 г.

*Смерть и жизнь — во власти языка,
и любящие его вкусят от плодов его.*

Притч 18, 22.

*Кто будет веровать и креститься, спасен будет;
а кто не будет веровать, осужден будет.
Уверовавших же будут сопровождать сии знамения:
<...> будут говорить новыми языками <...> .*

Мк 16, 16–17.

На сегодняшний день на Земле существует свыше двух с половиной тысяч языков.

Это количество кому-то может показаться весьма значительным. На деле оно является, образно говоря, достаточно сильно потрепанной временем крепостной башней. Она одиноко стоит в поле, со всех сторон окруженная многочисленными руинами других, уже не существующих башен и стен некогда величественной, а ныне почти полностью разрушенной историей крепости человеческих языков.

Нарисованная картинка — не преувеличение и не дань полемическому задору.

За истекшее историческое время мы утратили, по-видимому, десятки тысяч языков, наречий, говоров, диалектов. “Мертвыми” уже в наше летоисчисление стали древнегреческий, арамейский, древнеперсидский, латынь, санскрит, ведийский язык, сирийский, древнеюжноаравийский, древнерусский, древнетюркские языки (язык рунических надписей, древнеуйгурский язык, древнебулгарский и др.), древнепруссский язык, корнский (корнуэльский), коптский, кетский и мн. др. Смешно сказать, но ведь без преувеличения героическим научным подвигом стала расшифровка в начале XIX века французским ученым Ж. Ф. Шампольоном древнеегипетского иероглифического письма, а в середине 50-х годов XX века — советским ученым Ю. В. Кнорозовым письма майя. На-

помню, что последнее существовало еще в XVI веке – менее 500 лет назад. Насколько все-таки коротка историческая память у человечества, как быстро оно забывает себя самого! В результате подвигом становится увенчавшаяся успехом попытка вспомнить свое собственное, сравнительно недавнее прошлое.

О многих исчезнувших языках в лучшем случае остались только мимолетные упоминания в исторических источниках. Такие, как, например, породившее споры, не прекращающиеся до сих пор, свидетельство “Жития Константина” о загадочных “руських письменах”, с которыми познакомился в 861 году в Крыму, в Херсонесе, Константин (Кирилл) Философ, входивший в состав официальной византийской дипломатической миссии в Хазарию. По поводу того, что же это за “руские письмена”, зафиксированные в предании до официального создания славянской письменности, одних только научных точек зрения и гипотез существует на сегодняшний день не меньше десятка.

“Русским письменам” из Херсонеса повезло: их хотя бы упомянул исторический источник. Большая часть языков исчезла вовсе бесследно.

Исчезновение языков не является фактом только исторического прошлого. Ныне все мы современники и свидетели угасания языков классических малых народов Крыма и мира – караимов и крымчаков. Эти языки исчезают вместе со своими народами. По данным прошлогодней украинской переписи караимов в Крыму осталось 671 человек, крымчаков – всего 204. В ряду исчезающих на наших глазах языков – румейский и урумский (языки понтийских и приазовских греков), язык закарпатских русинов, язык гагаузов и др. По некоторым подсчетам к середине XXI века на Земле может остаться всего 500 языков.

Странное дело: человечество уже в значительной мере осознало необходимость защиты окружающего мира. Мы защищаем атмосферу и водные ресурсы, почву и народные ремесла. Мы защищаем китов и редкие виды обезьян, мы спасли от исчезновения уссурийских тигров и культивируем распространение национальной кухни. Но судьба языков, их сегодняшнее бытование и их будущее, – так и не стали для человечества задачей первоочередного порядка. Мало того, эти проблемы находятся на периферии общественного сознания.

Общественное мнение воспринимает проблему языков исключительно через призму “школярского” знакомства с ней в годы учебы. В результате для большинства “язык” – это что-то обязательное, но нудное и скучное, связанное с ошибками при письме и маловразумительными и труднозапоминаемыми правилами. Кстати, классики мировой литературы, как показывает их изучение в той же школе, все эти орфографические и другие правила всегда первыми же и игнорировали. Это еще больше утверждало всех нас в годы учебы в правоте своего лингвистического нигилизма.

Всякий по-настоящему образованный и мыслящий человек понимает, что это представление, укоренившееся в сознании большинства, – грубая пародия на действительность. Язык – это не просто средство общения, имеющее свой инструментарий и основанное на большом количестве сложных и запутанных правил. Язык – это философия мира, это синтетическое представление об этом мире. Каждый язык – это запечатленная в его лингвистической структуре, в его правилах система знаний о мире, видение этого мира, его понимание. Например, именно

потому, что у аборигенных народов русского севера весь образ жизни связан с суровым климатом, в их языке существует более 40 наименований различных видов снега, но нет обобщенного слова "снег", как в русском языке.

В этом смысле язык – это и есть сам мир. А потому гибель каждого языка – гибель не словаря и грамматики. Это гибель целого мира – неповторимого, оригинального, безмерно глубокого и безмерно важного для понимания как самого человека, так и вселенной вокруг него. Можно сказать, что язык – это ДНК созданной его носителями культуры. На основе языка, как на основе генов ДНК, можно (хотя мы этого пока не умеем) воссоздать культуру народа как целое. Одним из первых примеров такого рода попыток "воссоздания культуры" на основе языка является известный "Словарь индоевропейских социальных терминов" Эмиля Бенвениста.

Как здорово, что мы защищаем атмосферу Земли и спасаем китов! Но почему мы с такой же непримиримостью и страстью, с которой спасаем *окружающий* нас мир, не спасаем мир, нас *наполняющий*, – уходящие в пучину небытия миры современных языков?

Крохотный, но очень выразительный пример: у землян есть международный телеканал "Планета животных", но нет международного телеканала – "Планета языков".

Ситуация в этом вопросе не только не улучшается, но имеет отчетливую тенденцию к ухудшению. При всем обилии законов, принятых мировым сообществом в защиту языков тех же национальных меньшинств, мировая практика демонстрирует устойчивое превалирование небольшой группы языков над всеми остальными. Та же европейская "Хартия региональных языков и языков национальных меньшинств" по большому счету декларирует создание языковых резерваций, не более. Предлоги превалирования одних языков над другими самые благовидные: "эти языки самые развитые" или "эти языки самые распространенные" и т. д. За скобками молчаливо маячит невысказанное: эти языки самые удобные в политическом и экономическом отношении для решения прагматических задач мирового сообщества. Все остальное – сантименты.

В самом деле, нельзя ведь одинаково заботливо пестовать все языки мира. Это невозможно практически. Поэтому для утилитарных целей эффективной работы той же Организации Объединенных Наций выберем шесть самых представительных языков: английский, русский, французский, испанский, китайский и арабский. С чем тут поспоришь? Спорить не с чем. Но в результате такого подхода в школах бывшего СССР сначала почти перестали учить немецкий язык, а сейчас и классов с французским языком (по крайней мере, в Крыму) – раз-два и обчелся. Об остальных языках просто умолчим из деликатности.

Давайте в порядке эксперимента распространим эту международную практику в области языка на другие сферы жизни. Например, оставим десяток образцовых видов птиц, предав забвению остальные, обозначим перспективные, имеющие первоочередное право на существование породы рыб, виды медведей, растений, наконец, пейзажей или ландшафтов... Всем понятно, насколько абсурдно это предложение и каким чудовищным был бы созданный на его основе мир. Почему же деятельность по защите языков не поддерживается столь же

решительно и твердо всеми? Почему нынешняя практика не осуждается столь же единодушно?

В одной из зарубежных стран совсем недавно я посетил новооткрытый факультет иностранных языков при местном университете. Там изучают всего четыре языка: английский, русский, испанский и китайский. Декан сказал, что этого достаточно, чтобы его страна могла с помощью своих переводчиков общаться в интересах дела с любым регионом мира.

Если дело так пойдет и дальше, и этого количества будет много. Хватит трех языков, потом двух, а там и одного...

Мощное подспорье процессы глобализации в сфере языка получили в эпоху Интернета. Эта мировая информационная сеть своих унификационных устремлений даже и не вуалирует. Вернее, она ничего другого просто не предполагает. Есть что-то зловещее в том, что эта система называется "всемирная паутина". Поневоле вспомнишь поговорку, родившуюся из мультфильмовской песенки: "Как вы яхту назовете, так она и поплывет".

Глобализационные поползновения унифицировать языковой облик мира уже встречались в истории. В Византии, например, правящие круги в той или иной мере поддерживали так называемую "трехязычную доктрину", согласно которой христианство могло проповедовать Божье слово только на трех священных языках – древнееврейском, древнегреческом и латыни. Именно против этой официальной идеологии средневековья и выступили 1100 лет назад самым решительным образом в своей практической деятельности великие просветители славян Кирилл и Мефодий. Если бы не они и не их неистовая отвага (я напомним, что ученики Кирилла и Мефодия после смерти учителей были проданы в рабство), – языки славян ждала бы совсем иная историческая судьба.

Я хочу обратить внимание, что деятельность Кирилла и Мефодия по созданию славянской письменности была начисто лишена всякого национального эгоизма. Как известно, братья были родом из города Солунь (в современной Греции город Салоники). Их родному греческому языку доктрина "трехязычия" ничем не угрожала. Но тем величественнее совершенный ими подвиг – подвиг бескорыстного служения, подвиг братской любви к ближнему, подвиг деятельной защиты мира многоликого, а не уныло-однообразного.

Если славянские просветители Кирилл и Мефодий полагали, что все народы имеют право усваивать истины христианского учения на своих языках и потому заслуживают создания для них самостоятельной письменности, неужели мы, их наследники, через 1100 лет положим начало обратной практике и согласимся с перспективой исчезновения не просто письменности, а и самих языков?

Реальная опасность нависла не только над языками "малых" народов. Так, русскому языку в современном глобализирующемся мире только на первый взгляд ничто не угрожает. Оптимисты исходят из того, что в число шести "избранных" языков он попал. Но даже если с этим утверждением согласиться, то неужели мы, носители русского языка, нарушая завет наших великих предков Кирилла и Мефодия, не озаботимся судьбами украинского и чешского, словацкого и словенского, сербского и болгарского и проч. и проч. восточнославянских, западнославянских и совсем не славянских языков? Ведь все мы в глубине души осоз-

наем, что беспокойство носителей этих языков об их судьбе оправданно!

С другой стороны, специалисты-филологи, как никто другой, знают, что всякий язык жив до тех пор, пока он находится в живом диалоге с другими, не только близкородственными языками, пока он подпитывается родниками своих диалектов и говоров. Мне кажется, например, что мы перегнули палку, защищая нормативный литературный язык от влияния почвы. Россия неблагодарно равнодушна к своим диалектам и говорам. В этом отношении нам есть чему учиться, например, у итальянцев или армян, которые все в пределах своего языка по сути двуязычны. Точно так же мы, думается мне, напрасно третируем языковое явление, образующееся на границах России и Украины, – в зоне интенсивного взаимодействия языков, характеризуя его исключительно как “суржик”. Не говорят же англичане, что на шотландском суржике писал Роберт Бёрнс. С другой стороны, лишите так называемого украино-русского суржика поэзию Эдуарда Багрицкого – и она утратит изрядную долю своего колорита. Впрочем, это тема отдельного разговора.

Мировой статус языка делает его средством общения сотен миллионов разноразных людей, что неизбежно нивелирует язык, усредняет его, лишает своеобычности, почвенности. Вспомним о той эволюции, которую проделал английский язык, став американским. Вспомним и о том, что в русском языке, если обратиться к словарю В. И. Даля, когда-то тоже было гораздо больше обозначений снега, но, став предметом коллективного пользования сотен миллионов, язык их просто утратил: *рянда, лепень, дряба, ляпа, чичер, чидега, заметь, волокуша, сипуха, чир, кидь, падь* и мн. др.

В действительности русский язык в связи со своим мировым статусом находится в большой опасности. С одной стороны, он испытывает все перегрузки, которые падают на плечи каждого из мировых языков. С другой, я боюсь, что статус русского языка как международного – во многом успокаивающая и усыпляющая нас иллюзия, всего лишь временная, тактическая уступка со стороны так называемого мирового сообщества. Разве мы все не знаем, что в университетах мира стремительно сокращаются кафедры русистики, закрываются русскокультурные журналы и издательства, сворачиваются целые школы переводоведения? В лучшем случае в страны Восточной Европы русский язык возвращается как язык бизнеса. Но каждый из нас понимает, что это тоже только временная стадия борьбы за трудовые ресурсы и рынки сбыта страны, за которой, как правило, наступает утрата страной экономической самостоятельности, а потом и самостоятельности культурологической. Кстати, уже подсчитана продолжительность реализации так называемого “закона тигля”, перевариваясь в котором человек теряет старую и обретает новую национальную идентичность. Этот процесс занимает всего четыре поколения. Я боюсь, что многие русские сегодня (особенно из молодого поколения) уже находятся на второй стадии.

Зададимся вопросом, почему Кирилл и Мефодий смогли выполнить свое призвание? Их не поддерживали никакие международные фонды, у них не было собственной экономической базы, на них не работали СМИ, им не помогало всей своей мощью государство, за ними не стояли армия и флот. Но о том, что совершили они, до сих пор знают живущие на свете, а имена императоров или

премьер-министров той поры большинству из нас нужно уточнять по справочной литературе.

Кирилл и Мефодий обладали качеством, которое стремительно утрачиваем мы. Для них дело, которому они служили, было не работой и даже не общественным долгом, а миссией. Они веровали, что языками с человеком говорит Господь, ибо сказано: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог” (Ин 1,1). А потому языки – это создание Бога, и поэтому они защищали не славянский язык как таковой, а один из языков Бога, Божью волю, которую они, переводя с божественного на человеческий, воплощали в понятные для человека формы общения.

Миссия – дается сверху. Это призвание, которое не предполагает возможности выбора, оно сакрально. Точно так же миссией является Родина. Понятие Родины не включает в себя возможность выбора, потому что выбирать можно только место жительства, но не Родину.

Но при таком понимании все остальное: голод и холод, гонения и хула, пытки и заточения, – становится чем-то глубоко вторичным. И в результате два отдельных человека побеждают эпоху.

Античные греки были проникнуты ощущением своей миссии и поэтому были непобедимы. Их сокрушила физическая сила Римской империи, но они победили ее силой своего духа, построив на ее фундаменте греческую Византию. Ирландцы и шотландцы столетиями остаются самими собой везде, потому что ощущают свое происхождение как миссию. Создатели государства Израиль добились своего, потому что ими двигало осознание миссии. Наши разнорациональные предки создали великое Российское государство, потому что это было для них исполнением миссии. При таком подходе самая трудная, самая неблагодарная работа – служение. При другом – самая лучшая и самая престижная деятельность – лишь времяпрепровождение.

Мы ослабили “смертную связь” (используя слова Николая Рубцова) с Родиной и ее языком, а потому нас можно переспорить, переубедить, переиначить, переделать, переломить. Языки *не могут* себя защитить только тогда, когда их носители *не хотят* защищать себя и свои языки. Мало кто из нас, сегодняшних, подпишется под строками “Молитвы” Анны Ахматовой из далекого 1915 года, в которых все личное, все, что вне Родины и миссии, – предается забвению:

*Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.*

Если русский язык для нас, его носителей, не миссия, он тогда всего лишь предмет преподавания в школе, а предмет можно и переменить. Но в этом случае народ становится этнографической группой, а мировое содружество язы-

ков превращается в языковой концлагерь, в котором каждый обреченно ждет часа своей кончины и благодарит охранника, что тот не послал его на смерть сегодня, отсрочив казнь на завтра.

“Трехязычные” или “шестязычные” доктрины – проявление гордыни, свойственной строителям Вавилонской башни. Это упрощенный и потому опасный взгляд на мир, это нежелание считаться со стоящим рядом, это убеждение, что истиной владеешь только ты, это очередная попытка разделить мир на главных и неглавных.

Самое печальное состоит в том, что проблемы чужих языков люди воспринимают как что-то, что их лично и непосредственно не касается. Это величайшее заблуждение, которое будет иметь для всех и для каждого самые печальные последствия. Давно и не нами сказано: “Слова уст человеческих – глубокие воды; источник мудрости – струящийся поток” (Притч 18, 4). Скудеет поток – скудеет мудрость человеческая, исчезают слова – мелеют воды. Они мелеют от исчезновения любого слова, любого языка! Никакой (самый международный и самый престижный!) язык не заменит собой собрата – пусть даже самого малоизвестного и имеющего самое малое количество пользователей. Шесть рабочих языков ООН не заменяют своим относительно благополучным существованием любые из шести исчезающих на Земле языков (те же крымчакский, караимский, румейский, урумский, русинский, гагаузский). А в результате – скудеет и скудеет поток мудрости человеческой. Внешне – незаметно, внутренне, для проницательного наблюдателя – все более и более очевидно. Не буду сейчас и здесь затевать давно назревший разговор о том, на каком жутком волапуке все мы всё более явно говорим, думая, что это высший тип языка международного общения. Какой уж тут “струящийся поток”! Это не поток, а забитый мусором и пластиковой тарой смрадный пруд. Одно только популярное в последнее время слово “канализировать” в значении “передать, сообщать, доводить до сведения” повергает в шоковое состояние. Это уже даже не проявление принципа целесообразности, а симптом распада культурной и понятийной иерархии сознания.

Каждый язык в отдельности можно уподобить роднику или ключу. Казалось бы, в какое сравнение может идти родник или ключ с рекой или водохранилищем? Но все мы знаем: если в горах пересыхают источники – мелеют равнинные реки и пустеют водохранилища. Струящийся поток глубоких вод человеческой мудрости, культуры, самой жизни – зависит самым прямым образом от благополучия всех и каждого из земных языков.

Мы должны ввести в XXI столетии порядок, при котором все языки народов мира обретут статус *международных*. Я реалист и понимаю, что невозможно (и не нужно) 2500 языков сделать рабочими языками ООН. Но, кстати, в этом частном вопросе следовало бы, вероятно, предусмотреть ротацию части рабочих языков (например, двух из шести): почему бы не ввести однажды на какое-то время в качестве рабочего немецкий язык, потом итальянский, японский, украинский, когда-нибудь португальский, шведский, затем другие языки? Дискуссии по этим вопросам уже начались в Европе. Нетрудно догадаться, что в авангарде идут немцы, которых совершенно не устраивает нынешняя ситуация.

Но главное состоит в том, что мы должны заявить о международной поддержке существования и развития каждого из языков народов мира, о праве языка рассчитывать на получение действенной помощи от международного сообщества в борьбе за свое сохранение, о возможности введения системы мер, исключаящей его “умирание” и тем более исчезновение. Положительные примеры такого рода деятельности есть. В их числе – меры, предпринятые в последние годы в Англии для спасения двух древних языков кельтской группы: валлийского (языка жителей полуострова Уэльс) и гэльского (языка гэлов в Шотландии).

Для этого мы прежде всего должны изменить сознание наших современников. Все должны понять, какой трагедией, какой невосполнимой потерей для человечества является утрата любого из земных языков. Измененное сознание – необходимое и обязательное условие успеха этой работы.

Мы должны провозгласить XXI век – *Веком языков народов мира*. Первое, что мы должны сделать, – создать “Красную книгу” языков, задача которой – провести инвентаризацию того, что еще существует. По результатам этой работы должен появиться Международный банк данных о языках.

С помощью мирового сообщества можно и нужно создать международные фонды, которые будут финансировать работу целой сети специальных организаций. В их ряду видится Всемирный институт языков, имеющий свои филиалы на всех континентах, международные Центры по разработке новых методик изучения и преподавания языков, международные Центры по проблемам перевода, создание новых компьютерных технологий изучения, описания и использования языков. Разве это нормально, что украинский язык, которым пользуется в мире более 60 миллионов человек, только в конце 2002 года получил лицензионную компьютерную языковую программу? Сколько же ждать тогда остальным языкам, за спиной которых гораздо меньше носителей?

Мы должны вырастить новое поколение людей, которым будет привит вкус к изучению языков. Мы должны создать своеобразную моду на языки, на их знание. Именно в этом отношении был бы весьма полезен международный телеканал “Планета языков”. Нет сомнений, что могут быть разработаны обучающие методики, которые многократно облегчат изучение языков, а в результате количество людей, которые знают 2, 5, 10, 30, 80, 100 (есть и такие!) языков, будет неуклонно расти. Что же касается “немых” (в древнерусском значении этого слова – не знающий твоего языка, не умеющий с тобой объясниться, подобный немому), то их будет все меньше и меньше.

У нас есть едва ли не единственный пример не утраты, а возрождения почти утраченного языка – судьба древнееврейского, который обрел вторую жизнь в виде иврита. Этот пример свидетельствует, что, если общественность вместе с властью при поддержке международного сообщества поставит перед собой самую трудную задачу и упорно возьмется за ее решение, задача будет решена.

Пусть вдохновляет нас в этом нашем начинании светлый пример подвижников духа, великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия!